

Э. И. ГЕРШКОВИЧ

ОБ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ТАКТИКЕ КАНТЕМИРА

Меня мой рок судил писать осторожно.

А. Кантемир.

В конкретных условиях послепетровской эпохи проблема творческого самоопределения предстала перед Кантемиром как необходимость выбора между сатирическим и панегирическим направлениями. Каков был выбор Кантемира — известно, но чего стоил ему в тех условиях этот выбор, каким образом отстаивал Кантемир свою приверженность к «бодливому роду» сатир, какими способами реализовал он свою творческую программу — все это почти совсем неизвестно.

Отчасти можно осветить эти вопросы, обратившись к анализу очень своеобразного и малоисследованного произведения Кантемира — «Речи к императрице Анне Иоанновне», привлекая и другие материалы, относящиеся к рассматриваемой проблеме.

«Речь к благочестивейшей государыне Анне Иоанновне императрице и самодержице всероссийской» была хорошо известна современникам Кантемира: она встречается во многих рукописных сборниках, содержащих сатиры Кантемира первоначальной редакции. Чаще всего «Речь» помещается перед текстом сатир и открывает собою весь сборник,¹ хотя в некоторых списках — причем наиболее авторитетных — она следует за сатирами среди других произведений поэта.²

¹ См. например, сборники, хранящиеся в рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ): Q. XIV, 2; Q. XIV, 19; Q. XIV, 166; СПб. Дух. Акад. № 233; собр. Вяземск. F. CXXXIX и Q. CXXXVIII; сборники, хранящиеся в ЦГАДА: Ф. 181 № 852 (1418); Ф. 181 № 357 (806), а также сборники, хранящиеся в Государственном историческом музее (ГИМ): 86086—1575; Уваров, 453, 4°.

² В сборниках: Q. XVII, 6 и СПб. Дух. Акад. А. IV/8 а также в менее исправном сборнике Разнояз. Q. XVII, 258 (хранящихся в ГПБ) и в сборниках: Ун. 74 (43); 664 (т. 340) (хранящихся в библиотеке АН УССР в Киеве).

В первые издания сочинений Кантемира, вышедшие как за границей (в 1749 и 1750 годах на французском языке; в 1752 году — на немецком), так и в России (в 1762 году), «Речь» не вошла. Подготовленные на основе окончательной редакции произведений Кантемира, эти издания содержали взамен «Речи» стихи, обращенные Кантемиром к Елизавете Петровне. Вследствие этого «Речь» надолго выпала из поля зрения читателей и исследователей Кантемира.

Впервые она была опубликована в 1823 году К. Калайдовичем.³ Источником этой публикации послужил список, хранившийся в библиотеке гр. Ф. А. Толстого. Вышедшее из печати в 1825 году описание рукописей этой библиотеки, составленное К. Калайдовичем совместно с П. Строевым, содержит упоминание о «Речи».⁴ После этой публикации «Речь» долгое время более не воспроизводилась печатно, и текст ее был мало кому известен.

Только в 1867 году, когда вышло издание сочинений Кантемира, подготовленное П. А. Ефремовым и В. Я. Стоюниным, «Речь» снова увидела свет среди других произведений сатирика.⁵ Текст «Речи» здесь воспроизведен по более исправному списку, чем тот, какой был в распоряжении К. Калайдовича. Так как в библиографии, приложенной к изданию (т. II), публикация Калайдовича не упоминается, можно заключить, что редакторы о ней не знали.

Интересные варианты и уточнения, преимущественно касающиеся текста авторских примечаний к «Речи», опубликовали Е. В. Петухов⁶ и Т. М. Глаголева.⁷ Наиболее полный и исправный текст произведения дан в выпущенном нами издании стихотворений Кантемира.⁸

³ Сочинения в прозе и стихах. «Труды Общества любителей российской словесности при императорском Московском университете». М., 1823, ч. III, стр. 98—106.

⁴ К. Калайдович и П. Строев. обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке ... графа Федора Андреевича Толстого. М., 1825, стр. 691. Ныне список хранится в рукописном отделе ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина под шифром Q. XIV, 2.

⁵ А. Д. Кантемир. Сочинения, письма и избранные переводы. Вступительная статья и примечания В. Я. Стоюнина, Ред. П. А. Ефремов а. Т. I, СПб., 1867, стр. 304—307. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

⁶ Е. В. Петухов. Заметки о некоторых рукописях, хранящихся в библиотеке Историко-филологического института им. кн. Безбородко. Киев, 1894, стр. 18.

⁷ Т. Глаголева. Материалы для полного собрания сочинений кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1906, стр. 46.

⁸ Антиох Кантемир. Собрание стихотворений. Вступительная статья Ф. Я. Приймы. Подготовка текста и примечания Э. И. Гершковича. (Библиотека поэта. Большая серия), Изд. «Советский писатель», Л., 1956, стр. 266.

«Речь к императрице Анне Иоанновне» почти совсем не пользовалась вниманием со стороны исследователей. Те немногие суждения, какие встречаются о ней в литературе, поверхностны, а порою и ошибочны. Одна из первых попыток истолковать это произведение принадлежит К. Калайдовичу и П. Строеву. В упомянутом «Описании» библиотеки гр. Ф. А. Толстого «Речь» рассматривается как посвяtitельное стихотворение, с которым Кантемир обратился к Анне Иоанновне, преподнеся ей свои сатиры.⁹

Подобная интерпретация «Речи» вызвала возражение уже в 1841 году со стороны неизвестного нам автора рукописной работы о сатирах Кантемира.¹⁰ Указав на ошибочность трактовки «Речи» как посвяtitельного стихотворения, автор, однако, не аргументировал своих возражений и не изложил своих собственных взглядов на это произведение.

Стоюнину принадлежит наиболее развернутая характеристика «Речи». Он так объяснял мотивы, побудившие Кантемира создать это произведение: «Хорошо знакомому с хвалебными одами, какие писались на Западе, ему (Кантемиру, — Э. Г.) казалось непростительным не написать подобной же оды и „самодержице вся России“, тем более, что в ней он видел торжество своей партии, уже воспользовался ее милостью и мог в будущем рассчитывать на другие милости» (т. I, стр. LXXIV). Таким образом, «Речь» здесь трактуется как обычная похвальная ода, создание которой не имеет никакого отношения к сатирической деятельности Кантемира.

Больше того, в самом факте создания «Речи» Стоюнин усматривал со стороны Кантемира своеобразную измену сатирическому жанру, постоянную верность которому поэт незадолго до того публично декларировал. «Он забыл, — пишет Стоюнин, — что уже испытал свою неспособность к хвалебным песням, забыл о своем недавнем признании в четвертой сатире: „Рифмы не могу прибрать, как хвалить желаю“. И несмотря на эту осознанную неспособность, все же следуя обычаю поэтов, создал оду самодержице всероссийской, в которой, конечно, мы не станем искать поэзии и искреннего чувства» (т. I, стр. LXXIV).

В позднейшей литературе новых истолкований «Речи» по сути не появилось. Т. Глаголева, в частности, именует это произведение вслед за Стоюниным просто «одой».¹¹ Другие исследователи,

В дальнейшем ссылки на это издание будут даваться: Кантемир. Собрание стихотворений, стр.

⁹ К. Калайдович и П. Строев. *Обстоятельное описание славяно-русских рукописей... графа Ф. А. Толстого*, стр. 691.

¹⁰ Рукопись хранится в Архиве ИРЛИ (Пушкинский дом) под шифром 19663/СХХХIV б. IV.

¹¹ Т. Глаголева. *Материалы для полного собрания сочинений кн. А. Д. Кантемира*, стр. 45.

как бы контаминируя обе указанные тенденции, называли «Речь» «одическим посвящением». Обе тенденции существуют и поныне. В какой мере они справедливы, покажет дальнейший анализ.

Так как при изложении своих соображений о «Речи» нам часто придется обращаться к ее содержанию, напомним основные идеи этого произведения.

В первых строках Кантемир восхваляет императрицу и провозглашает славу «дому» и «царству» ее. Отправляясь от похвальной характеристики Анны Иоанновны, Кантемир стремится объяснить, почему он в своем поэтическом творчестве не прославлял ее деяний, не «разносил» ее славу. Автор отвергает мысль, будто причиной этого является исключительная приверженность его к сатирическому роду и нежелание пробовать свои силы в иных жанрах:

Если, зря твои дела, уст не отверзаю
И, молча, к твоей славе перст не направляю,
Если муза моя спит и не бренчит лира
В похвалах твоих — не тем, что одна сатира
Люба, будучи к иным мысль моя не склонна,
Ей, нет, и была бы та ленность беззаконна!

Для него не остаются скрытыми добродетель и мудрость царицы, благоденствие «россиян» под ее властью: «Все то, хоть скудоумен, и вижу и знаю», — уверяет Кантемир. И если, несмотря на все это, он не пишет панегирика, то виною всему — боязнь автора, что его поэтический дар окажется недостойным столь высокого предмета:

Боюсь к твоим хвалам распростерти руку:
Помню Икара повесть, продерзость и муку.
Нужно бо обычайны пределы превзыти
Хотящу дела твои и тебя хвалити!
И столь славну имей писати причину,
Не подлого должен быть у Фебуса чину.

Затем следует рассказ о том, как автор трижды принимался за перо («в благодарство дел твоих хвалить тя хотящи», — объясняет он Анне) и как Аполлон, «с неба прилетев», трижды препятствовал выполнению его намерения: — «изломал перо, пролил дерзостно чернило» и «с гневом» «обличил» его «отвагу»:

Кое ты безумие, — рекше, — обступило?
За что ты хватаешься и на что дерзаешь?
Анну — самодержицу хвалити желаешь?

Не знаешь ли ты смолчать,¹² уме¹³ беспокойный,
Что не твои для такой стихи суть пристойны.

Для такого дела оказываются не подходящими ни направление мыслей автора, ни стиль его, ни поэтическое мастерство:

Где тебе сплесть и сыскать слова, столь согласны,
Каковы дела ее дивны и ужасны?
Ведь тут нечего писать, чтоб было утешно.
К чему и мысль и перо твое скользит спешно.

И к хвале той негоден, слаб¹⁴ стиль твой подлейший
Для ваги¹⁵ такой Атлас потребен сильнейший.

Убеждая автора в том, что и для более искусных поэтов, как, например, Вергилий, воспеть Анну было бы нелегким делом, Аполлон в заключение своей гневной речи приказывает:

Покинь и впредь не дерзай в сие вступать смело,
Оставь мудрейшим себя, не твое то дело.

Речь Аполлона производит сильный эффект:

Содрогулся, бедный, я, скочил с стула спешно.

Автор благодарен Аполлону за то, что

...однако же, безбедный¹⁶ молчати
Быть узнал, нежли грубы похвалы писати.

Закljučается «Речь» сентенцией:

Молчу убо, но молча сильно почитаю
Тую, от нея же честь и жизнь признаваю.

¹² В тексте ефремовского издания неправильное чтение: «смельчак». Во всех списках, известных нам: «смолчать». См. также варианты, опубликованные Е. В. Петуховым (Заметки о некоторых рукописях... стр. 19).

¹³ В тексте ефремовского издания неправильное чтение: «уже», вместо: «уме» (по рукописной традиции). Т. Глаголева отметила эту ошибку (Материалы для полного собрания сочинений кн. А. Д. Кантемира, стр. 45), но проглядела неправильное чтение, указанное в предыдущем примечании, вследствие чего этот стих в предлагаемом ею чтении остался, как и в ефремовском издании, бессмысленным.

¹⁴ Слово «слаб» отсутствует в тексте ефремовского издания, вследствие чего стих там не имеет полного числа слогов — 13.

¹⁵ В тексте ефремовского издания неправильное чтение: «воли». В списках: «ваги», т. е. «веса». Ср. также авторское примечание к этому стиху (42), из которого ясно, что речь идет именно о тяжести, трудном деле, а не о воле.

¹⁶ В ефремовском издании слово осталось нерасшифрованным. Наше чтение дается по рукописному тексту. См. также варианты, опубликованные Е. В. Петуховым (Заметки о некоторых рукописях... стр. 19).

Сопоставим теперь содержание «Речи» с существующими в литературе толкованиями ее, в частности, рассмотрим прежде всего, можно ли считать «Речь» посвятителем стихотворением к сатирам.

Обязательным элементом всякого литературного посвящения является посвятельная формула, в которой обыкновенно указываются дедикативный адресат (кому посвящается) и дедикативный объект (что именно посвящается). Эта формула может быть осложнена различного рода рассуждениями автора о причинах, побудивших его посвятить данное произведение данному адресату, о достоинствах адресата и недостатках посвящаемого произведения и т. п., но формула эта прямо или косвенно должна быть налицо в посвятельном произведении — иначе оно не может выголотить своей функции.

То обстоятельство, что «Речь» обращена к Анне Иоанновне, не является еще аргументом в пользу мнения о посвятельном характере этого произведения. В «Речи» нет посвятельной формулы. В ней ни единым словом не упоминается вообще об акте посвящения, равно как невозможно из ее текста узнать, что именно посвящается. В частности, ничто не указывает на то, что автор имеет в виду посвятить именно сатиры, а не другой род произведений.

Ни единого намека на дедикативный характер «Речи» не содержится и в авторских примечаниях, где по обыкновению Кантемир поясняет жанр и характер комментируемого произведения.¹⁷

Несостоятельность анализируемой точки зрения с особой наглядностью может быть установлена при сравнении «Речи» с более поздним произведением Кантемира, адресованным Елизавете Петровне и являющимся переработкой «Речи». Сохраняя в общем схему последней, Кантемир в стихотворении к Елизавете Петровне существенно изменяет содержание «божественного глагола», с которым Аполлон обращается к автору. В «Речи» Аполлон запрещает ему писать похвальные стихи, признавая его недостойным для такого дела, и автор решает лучше молчать, нежели «грубы похвалы писати». В стихах же, обращенных к Елизавете Петровне, «белокурый бог», хотя и продолжает настаивать на том, что автор недостойн воспевать славу императрицы (на этот раз — Елизаветы Петровны), но, кроме запрещения писать похвальные стихи, в его словах содержится и предложение:

Если же знак хвального благодарства дати
Твоего какой-либо августе желашь,

¹⁷ Примечания к «Речи» опубликованы в издании Ефремова со значительными пропусками по сравнению с рукописным текстом. Пропуски эти устранимы в нашем издании стихотворений Кантемира (Собрание стихотворений, стр. 268—269).

Поднеси ей книжицу, в которой пятнаешь
Злые веселым лицом обычи и нравы.

Так, по «заказу из уст властелина» автор решается поднести Елизавете свои сатиры, о чем он и заявляет в следующих стихах:

Убо, самодержице, прими, что дать знаю:
Вот книжка, обычай чем и злой нрав пятнаю.

В результате этих переработок стихи, адресованные Елизавете Петровне, приобрели посвятельный характер. В примечаниях к ним Кантемир прямо указывает на то, что они служат посвящением к сатирам: «Стихи сии, которыми сатирик посвящает сатиры свои императрице Елизавете...» (разрядка наша, — *З. Г.*). В этом отношении показательна и следующая деталь. В издании Ефремова, подготовленном на основе текста так называемого Академического списка,¹⁸ заглавие этих стихов таково: «Елисавете Первой августейшей императрице и самодержице всероссийской государыне всемилостивейшей». Но Ефремов и Стоюнин не обратили внимание на то, что «Таблица», т. е. оглавление, которым открывается Академический список, содержит вполне точную квалификацию стихов, обращенных к Елизавете Петровне; они названы здесь «Словоприношение императрице». Как видим, и в самом названии отразилась перестройка произведения, превратившая его в дедикативное.

Ниже мы подробнее остановимся на истории этой переработки, но уже из сделанного краткого сопоставления обоих произведений можно окончательно убедиться в том, что «Речь к императрице Анне Иоанновне» нельзя рассматривать как стихотворное посвящение к сатирам: ни по содержанию, ни по форме она таковым не является.

Столь же несправедливым является истолкование «Речи» как «хвалебной оды» на манер тех, «какие описались на Западе», т. е. как обычной панегирической оды.

Разумеется, было бы неверно отрицать наличие панегирического элемента в «Речи», однако смысл этого произведения, как будет показано ниже, не сводится к одному только восхвалению императрицы, и даже не столько к нему.

Эпоха классицизма характеризуется, как известно, четкой разграниченностью литературных форм, резкой обособленностью жанров, строгой спецификацией поэтических и языковых средств. Кантемир — один из основоположников русского классицизма — в своих теоретических высказываниях по вопросам поэзии отстаивал эти принципы и тщательно соблюдал их в своей творческой

¹⁸ Архив ИРЛИ. Р. II, оп. I, № 132.

практике. Только полным игнорированием последнего обстоятельства можно объяснить отнесение «Речи» к одическому жанру. Все элементы этого произведения не совпадают с поэтикой оды в практике Кантемира.

В самом деле, «Речь» написана силлабическим тринадцатисложником с женской рифмой и смежной рифмовкой без членения на строфы, совершенно тождественным со стихом, употреблявшимся Кантемиром в его сатирах, в «Петриде», в баснях, но ни в коем случае не в одах. Все оды (Кантемир называет их «песнями») написаны одиннадцатисложным стихом с обязательным строфическим членением и разнообразной рифмовкой (преимущественно перекрестной).¹⁹ Совершенно несовместимы с жанровыми требованиями панегирической оды разговорный тон «Речи», необходимые обороты (вроде «скочил с стула» и т. п.); «низкий» или, как его называет Кантемир, «подлый» стиль, и т. д.

«Речь к императрице Анне Иоанновне» не является ни посвящением, ни одой. Жанровая природа этого произведения определена самим Кантемиром совершенно точно и недвусмысленно в самом названии — «Речь». Это именно стихотворная речь, с которой автор обращается к императрице. Кантемир именует это произведение речью и в своих автокомментариях. Так, в примечании к ст. 40 Кантемир пишет: «Потому знать, что речь сия писана после сатиры. Подражал автор Буало, которой также же к королю речь писал преискусную» (разрядка наша, — Э. Г.). Кантемир имеет в виду «Discours au roi» Буало, предваряющую сатиры французского поэта и обращенную к Людовику XIV. В данном случае для нас эта ссылка на Буало имеет значение постольку, поскольку она показывает, как сам Кантемир определял жанровый тип своего произведения. Именно в жанре стихотворной речи Кантемир нашел ту художественную форму, которая оказалась наиболее соответствующей его авторскому замыслу.

¹⁹ Исключение составляет «Ода к императрице Анне Иоанновне в день ее рождения», написанная неравносложными стихами. В ней встречаются шести-, восьми-, одиннадцати-, двенадцати- и даже тринадцатисложные стихи. Но это необычное явление специально оговаривается в дошедших до нас примечаниях к оде, где говорится, что она представляет перевод с латинского сочинения учеников академической школы и что автор (т. е. Кантемир), «желая по близку держаться слов первоначального, не прилежал, чтоб стихи были равносложные: что потому не бесплодно случилось, что в сей оде включены почти все различные роды стихов, кои на русском стихотворстве употреблять можно» (Кантемир. Собрание стихотворений, стр. 466). Следовательно, сам Кантемир осознавал это как отступление от нормы. Характерно, что на найденном нами начальном листе этой оды, содержащем переработки, сделанные рукою Кантемира, видно, как он переделал все стихи в одиннадцатисложные, а существовавшие прежде строфы, неравные по числу строк, переделал в четверостишия (см. там же).

Что побудило Кантемира написать «Речь к императрице Анне Иоанновне»?

Для исследователей, которые смотрели на «Речь» как на посвящение к сатирам, адресованное императрице, ответ на поставленный вопрос не представлял затруднений и вытекал со всей определенностью из принятой ими интерпретации произведения.

Исследователям, трактовавшим «Речь» как обычную хвалебную оду, над указанным вопросом пришлось задуматься. Насколько можно заключить из цитированного выше, Стоюнин полагал, что к созданию «Речи» Кантемира побуждали главным образом морально-политические соображения: поэт считал «непростительным» не написать похвальной оды императрице, поскольку «в ней он видел торжество своей партии, уже воспользовался ее милостью и мог в будущем рассчитывать на другие милости».

Однако анализ конкретных исторических обстоятельств заставляет усомниться в правильности этих утверждений. В частности, мало согласуется с ним датировка «Речи» 2 июня 1731 года. Около полутора лет отделяет момент создания «Речи» от политических событий, связанных с воцарением Анны Иоанновны, и если допустить, что «Речь» явилась одним из откликов на победу той политической группировки, к которой примыкал Кантемир, то следует признать, что этот отклик был слишком запоздалым. К тому же в политических условиях середины 1731 года, когда надежды дворянства на «полегчание» после олигархической диктатуры Верховного тайного совета развеялись и наступила жестокая пора самодурства Бирона и немецкого засилья, вспоминать о победе своей «партии» Кантемир мог лишь с чувством горечи и разочарования.

Вряд ли в этих обстоятельствах у Кантемира могла возникнуть мысль создать произведение, восхваляющее Анну Иоанновну как олицетворение тех политических идеалов, во имя которых он боролся с «верховниками».

Предположения, что поводом к созданию «Речи» явилось желание Кантемира выразить личную благодарность за содеянные ему Анной Иоанновной милости, также оказываются мало убедительными. Известно, что в то время, как остальные лица, содействовавшие установлению неограниченной власти императрицы, были щедро ею награждены, Кантемир (как и Татищев) остался по существу обойденным. Гуаско объясняет это скромностью Кантемира, отклонившего предложение Анны Иоанновны самому назначить себе награду.²⁰ Однако у нас есть неоспоримое

²⁰ *Satyres de monsieur le prince Cantemir. Avec l'histoire de sa vie. Traduites en François. A. Londres. Chez Jean Nourse. 1749, p. 53.*

свидетельство самого Кантемира, доказывающее, что он явно считал себя несправедливо обойденным. Мы имеем в виду его «*Epos Consolatoria*», в котором он жалуется Феофану, что лишен «стадца», «хижины» и «нивы»:

Меж пастушками брожу единый
 несчастливый,
 Ниж в наймиты кто нанимает,
 ни козлятем
 На завод бедну кто помогает
 ни ягнятем!

«Эпод» написан Кантемиром после восшествия Анны Иоанновны на престол и отражает его настроение не ранее середины 1730 года.²¹ Тем не менее «награждение» все же состоялось. Поэт вместе с остальными детьми покойного молдавского господаря (за исключением Константина) получил 1030 крестьянских дворов. Форма и характер награждения вовсе не отмечали личных заслуг Антиоха перед императрицей. Он был поставлен в равное положение со своими двумя братьями и сестрой, не принимавшими участия в событиях начала 1730 года, в которых он проявил выдающуюся активность. И сам Стоюнин вынужден признать, что в «такой награде не было бы никакой справедливости» (т. I, стр. LXVIII). В своем завещании Антиох указывал, что полученные им деревни были пожалованы Анной Иоанновной вместо пенсионера, обещанного ему с братьями в их малолетстве еще Петром I (т. II, стр. 350).

Таким образом сам Кантемир не рассматривал эту «милость», как награду за его политические действия. Но как бы то ни было, факт награды был налицо. Можно ли считать, что именно эта награда явилась для Кантемира поводом, если не искренно, то формально выразить свою благодарность Анне Иоанновне? В указанной обстановке не написать похвальной оды действительно представлялось, говоря словами Стоюнина, «непростительным» для молодого поэта той эпохи.

Однако хронологические сопоставления разбивают и это предположение. Биографы Кантемира, оперируя самим фактом награждения, не заинтересовались его датировкой. и не приводят никаких данных на этот счет. Между тем можно установить совершенно точную дату именного указа Анны Иоанновны.

В «Описи высочайшим указам» П. Баранова содержится следующая запись под датой 20 декабря 1730 года: «Именной указ о пожаловании детям покойного господаря Волоского, князьям Матвею, Сергею, Антиоху и сестрам их (явная ошибка: не сест-

²¹ О датировке «Эпода» см. в нашем комментарии к изданию стихотворений Кантемира (Собрание стихотворений, стр. 477—478).

рам, а сестре — княжне Марии, — З. Г.) 1030 крестьянских дворов в Нижегородском и Брянском уездах в вечное владение».²²

Таким образом, указ был подписан в декабре 1730 года. Неужели Кантемиру потребовалось шесть месяцев для того, чтобы откликнуться на это событие и создать в знак благодарности похвальную «Речь» императрице? Едва ли он мог рассчитывать на то, что столь запоздалая реакция достигнет цели. Кроме того — и это является самым важным — в тексте «Речи» нет ни одного намека на выражение личной благодарности Анне Иоанновне за якобы оказанные ею «милости».

Нам могут возразить, основываясь на опыте других поэтов XVIII века, что создание панегирического произведения может быть и не связано с каким-либо определенным обстоятельством в жизни поэта, которое побудило бы его на подобный творческий акт.

Это возражение было бы справедливым, если бы в самом тексте «Речи» не имелись конкретные указания на реальные обстоятельства творческой деятельности Кантемира, свидетельствующие о более сложном замысле произведения, нежели простое стремление создать панегирик императрице.

В «Речи» при непредубежденном взгляде можно обнаружить, кроме панегирического, еще и другой тематический аспект, тесным образом связанный с первым, но существенно от него отличающийся. Мы имеем в виду изложение автором причин, по которым он не решает писать похвальных стихов Анне Иоанновне.

Правда, мотивировка автора искусно обрамлена восхвалением императрицы; самое объяснение построено так, что превращается в похвалу; авторское самоуничижение оборачивается в конечном итоге косвенным комплиментом Анне Иоанновне; решение автора лучше молчать, чем писать грубую лесть, рождает заключительное заверение его в глубоком почтении к императрице. Было бы безусловной ошибкой закрывать глаза на эти факты. Однако сюжет «Речи», все развитие ее темы в сущности сводится к тому, чтобы мотивировать занятую автором творческую позицию и защитить его от каких-либо предосудительных выводов на этот счет.

В отличие от панегирических элементов, носящих традиционный характер, именно эта «защитная» установка, определяющая своеобразие замысла произведения, имеет бесспорно реальную, конкретно-биографическую подоплеку.

В частности, утверждение автора о том, что его лира «не бречит хвалу» императрице, вовсе не является традиционной панегирической формулой, а отражает достоверный факт его литературной деятельности. Если не считать «Оды на день рождения

²² П. И. Баранов. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век, т. II. СПб., 1875, стр. 237.

Анны Иоанновны», являющейся, как уже отмечалось, не оригинальным его произведением, то Кантемир действительно к тому времени не написал ни одного похвального произведения в честь Анны Иоанновны.

Безусловно автобиографический характер имеют строки, в которых автор формально отводит от себя обвинение в том, что он не пишет панегирических произведений в честь Анны Иоанновны из-за того, что ему «одни сатиры любы». Этот мотив мог указать только поэт, подвизавшийся преимущественно в сатирическом роде, каким именно и был Кантемир.

Такое сопоставление сатирического и панегирического направлений совершенно отсутствует в «Discours au roi» Буало, на который ссылался Кантемир в своих примечаниях, и, следовательно, не может быть объяснено внешним литературным воздействием.

Автобиографическая подоплека «Речи», в частности связь ее содержания с предшествующей сатирической деятельностью Кантемира, не только не затушевывается им самим, но, наоборот, подчеркивается многократно в автокомментариях к «Речи».

В примечании к ст. 40 Кантемир специально обратил внимание читателя на то, «что речь сия писана после сатир». По-видимому, это обстоятельство Кантемир считал существенно важным для правильного понимания замысла и содержания своего произведения.

Приведенные факты, по нашему мнению, убеждают в том, что нельзя рассматривать «Речь», игнорируя ее органическую связь с сатирической деятельностью Кантемира. Только учитывая конкретные обстоятельства, характеризующие эту деятельность, можно понять, почему Кантемир счел необходимым выступить с оправданием и защитой своей творческой позиции.

Прежде всего обратим внимание на хронологию. Кантемир датирует «Речь» точно: «1731 г. июня 2 дня», следовательно, она написана после создания IV сатиры, но перед созданием V. Какие обстоятельства характеризуют этот период творчества Кантемира? В «Изъяснении» к V сатире (первоначальной редакции) он писал: «Сатирик наш по окончании своей четвертой сатиры намерен был, оставя сей стихов род, употребить время свое, которое ему до отъезду в чужие края оставался, на продолжение Петриды. . .» (т. I, стр. 268). Это существенно важно для восстановления подлинного хода работы Кантемира над сатирами и имеет непосредственное отношение к истории создания «Речи». По-видимому, поэт считал написанные им к середине 1731 года четыре сатиры в какой-то степени законченным циклом, составляющим определенный этап в его творчестве. На это указывает и явно «итоговый» характер IV сатиры, в которой автор оглядывается на пройденный им путь, анализирует его результаты:

и делает определенные творческие выводы. IV сатира, представляющая собой замечательный образец литературного самосознания русского писателя XVIII века, видимо, предназначалась для заключения предполагаемого сатирического цикла.

Вполне естественно предположить, что именно в это время Кантемир, проникнутый просветительскими стремлениями, задумался над тем, чтобы обнародовать свои произведения в печати. По справедливому замечанию Д. Д. Благого, «в противоположность старым нашим „письменникам“, Кантемир был писателем, „автором“ нового ... склада, предназначавшим свое творчество для наивозможно более широкой читательской аудитории».²³ О том, что еще во время пребывания в России Кантемиром владела мысль издать в свет свои сочинения, свидетельствует, между прочим, и тот факт, что он снабдил ряд своих произведений «изъяснениями».

Если учесть, что в последнем прижизненном сборнике, отосланном в Россию для печати, ни одно произведение не обходится без соответствующих комментариев, то можно заключить, что наличие этих последних или отсутствие служит вполне точным критерием для суждения о том, какие произведения Кантемир намеревался ввести в состав печатного издания и какие решил оставить за его рамками. Во всех сборниках, содержащих первоначальную редакцию произведений Кантемира, созданных в России, авторскими примечаниями снабжены лишь пять сатир и «Речь к императрице Анне Иоанновне». Остальные произведения встречаются вообще крайне редко; *Metaphrasis*, P. 36 и P. 72 (переложения псалмов 36 и 72), первая часть «Петриды», «*Eposos Consolatoria*» представлены лишь в нескольких сборниках и лишены примечаний.²⁴

По-видимому первоначальный план сборника, предназначавшегося для печати, включал преимущественно сатиры и примыкающие к ним произведения: приветственные стихи Феофана Прокоповича и Феофила Кролика, адресованные Кантемиру, «Благодарительные стихи» последнего Феофану, ряд эпиграмм, связанных с соответствующими сатирами, и, наконец, «Речь к императрице Анне Иоанновне».

Намечая это издание, Кантемир безусловно отдавал себе отчет в его характере и сознавал опасность, которую он мог навлечь на себя, вследствие такого «неблагонадежного» уклона своего

²³ Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века. М., 1945, стр. 91.

²⁴ Например, в сборниках Q. XIV, 6 и СПб. Дух. Акад. А. IV/8 (ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), а также в сборнике Ф. 68 Собр. Генерального штаба № 6677 (Государственная библиотека им. В. И. Ленина, в дальнейшем ГБЛ).

творчества. В IV сатире, написанной незадолго до «Речи», Кантемир прямо указывает на то, что «многим те (сатиры, — Э. Г.) не любы»:

И ворчит уж не один, что где нет мне дела,
Там вступаюсь и кажу себя чересчур смела.

ст. (2—4).

А далее он приводит ряд примеров, свидетельствующих о том, какова была реакция на его сатирические выпады:

Вон Клеоб уже протест на меня готовит,
Что нечистый в тебе (музе, — Э. Г.) дух бороду злословит;
Иной не хочет писать указ об отказе,
Что о взятках говоришь, обычных в приказе;
И Лентул с товарищи, сказывают, дышет
Гневом и, стряпчих собрав, челобитну пишет,
Хочет-де скоро меня уж на суд позвати,
Что хуля Клитесов нрав, тщуся умаляти
Пьяниц добрых и с ними кружальны доходы.
А Брутус, тверды всегда любящий доводы
Библию, говорит, всю острожской печати
С доски до дски прошед, готов показати
Что противно закону и безбожных дело
Мантию полссатой ризою звать смело.
Одним словом, сатира, что чистосердечно
Писана, досаждает многим, всконечно.

(ст. 13—28).

Не подлежит ни малейшему сомнению, что Кантемир отразил здесь реальные факты, имевшие место в действительности. И при том, что для нас важно, — факты, относящиеся уже к периоду царствования Анны Иоанновны.

Воинствующий сатирический пафос, присущий творчеству молодого сатирика, мог при дворе Анны Иоанновны, особенно после приезда Бирона, вызвать одно только раздражение.

Подчеркивая гражданский характер своих поэтических выступлений, Кантемир тем не менее ощущал, что подобные аргументы в пользу сатирической деятельности неубедительны для императрицы и лиц, окружавших ее. Если последние и признавали в какой-то степени пользу стихотворства, то только в том случае, когда искусство поэта было направлено на восхваление царствующей особы, на упрочение существующего положения вещей.

Пример Феофана Прокоповича, написавшего в связи с воцарением Анны Иоанновны несколько панегирических стихов, мог служить в этом отношении Кантемиру живым укором. Обладая, несомненно, самым значительным поэтическим дарованием по сравнению со всеми, кто подвизался в то время в русском стихотворстве, Кантемир, однако, упорно избегал употреблять его на создание панегирических произведений.

Как мы убедимся ниже из анализа IV сатиры, такое односторонне-сатирическое направление в поэзии Кантемира было не случайностью, а результатом сознательно принятой творческой установки. Но в конкретных исторических условиях того времени реализация подобной творческой программы требовала особой осторожности и неизбежного тактического лавирования.

Задумав издать в свет свои сатиры, Кантемир должен был принять ряд мер, которые могли бы представить его выступление как сатирика в самом благовидном свете и предохранить от неблагоприятных последствий.

К числу тактических мер подобного рода несомненно относится помещение приветственных стихов Феофана Прокоповича и Феофила Кролика впереди сатир. Прикрываясь высоким саном и авторитетом приветствовавших его сатиру духовных поэтов, Кантемир надеялся внушить читателям мысль о важном и благородном деле сатирика, выступающего на борьбу с пороками и невежеством.

В этом же плане следует рассматривать и предисловия Кантемира к отдельным сатирам, имеющим явно выраженную цель — предостеречь читателей от враждебных автору выводов и неблагоприятных оценок. Так, например, в предисловии к I сатире Кантемир считает необходимым объяснить читателю, с каким намерением «написана сатира». «Ни злобная хулить охота», «ни зависть» не служили мотивами, заставившими его обличать пороки, — заверяет Кантемир и тут же подчеркивает, что он «никого партикулярно себе не представлял, когда писал характеры, в сей сатире содержащиеся» (т. I, стр. 188—189).

Еще более показательно предисловие ко II сатире «На зависть и гордость дворян злонравных». Предвидя, что «между прочими читателями найдутся и такие, которые лишь прочтут титул сатиры, взбунтуются на бедного сатирика», Кантемир разъясняет, что сатира его направлена не против «благородия» вообще, а против «гордости и зависти дворян злонравных», и тем самым защищает «всякое благонравие». Формулируя свое понятие «благонравия», Кантемир указывает, что благонравными людьми могут считаться те, кто «потом и мозольми в пользу отечества добывает себе славу». Несомненно в связи с этим находится и постоянно цитируемая формулировка Кантемиром смысла его сатирической деятельности: «все, что я пишу — пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданам моим вредно быть может» (т. I, стр. 204).

Таким образом, Кантемир внушает читателю мысль о добродетельном и патриотическом значении сатирического творчества.

В том же предисловии Кантемир использует применявшийся многими сатириками защитный прием: доказав, что его сатира

направлена на защиту добродетели против пороков, Кантемир заключает, что в таком случае «гневаться» на него может лишь «тот, кто теми самыми злонравиями опятнан», которые он обличает. «Им неприятна добродетелей похвала, им противна хула злонравий, им убо и сатириков имя ненавистно». Словом, тот, кто «гневаётся» на сатирика, сам выявляет свою «совесть злую».²⁵ Этим приемом Кантемир заранее дискредитирует всякие нападки на сатиры, как исходящие от людей, зараженных теми пороками, которые и бичуются в сатирах.

К числу «защитных» тактических мер несомненно следует отнести во многих случаях и ссылки Кантемира на литературные авторитеты. В этом отношении особенно показательны предисловие к V сатире (первоначальной редакции), написанной, правда, уже после «Речи к императрице Анне Иоанновне».

Желая предупредить неправильное истолкование сатиры «На человека» и опровергая мнение, будто автор в ней на всех изъятия людей «устремляется», Кантемир ссылается на псалмы царя Давида и X сатиру Буало: «Сии два примера имея (один священный, а другой мирской) можно ли мне в виду причесть, что я им следовал? Обвинение то или мне несправедно, или и тем двум стихотворцам прилично. Но понеже одному из тех за великую святость, а другому за пространную славу то учинить невозможно, убо ни мне, имеющему их себе предводителями» (Кантемир. Собрание стихотворений, стр. 394).

Тактическая цель ссылки Кантемира на литературные авторитеты здесь совершенно очевидна. И это не единственный пример: частые указания (в примечаниях) на различного рода литературные источники во многих случаях служат средством, при помощи которого Кантемир стремится оправдать и возвысить в глазах читателей свою собственную сатирическую деятельность.

Так, в примечаниях к IV сатире (первоначальной редакции) Кантемир, комментируя встречающееся в тексте упоминание о Буало, заключает характеристику французского поэта следую-

²⁵ Этот же прием применен в эпиграмме «К читателю сатир».

Si te pungo, tace, quia te non nomino; clamas?

Proditor es vitii (non ego culpa) tui.

Кольнул ты? Молчи, ибо ты не именую:

Кричишь? Не я, ты выдал свою злобу злую.

Мы считаем, солидаризуясь с мнением Т. Глаголевой (Материалы для полного собрания сочинений кн. А. Д. Кантемира, стр. 56), что данная эпиграмма написана Кантемиром, а не Феофилом Кроликом, как это принято считать. Кроме соображений текстологического характера, в пользу подобной атрибуции говорит и обращение к читателю от первого лица, т. е. автора. См. также комментарии к этой эпиграмме в нашем издании стихотворений Кантемира (Собрание стихотворений, стр. 471).

ими строками: «Людовик XIV, король французский, не только, е встретил ему (Буало, — З. Г.) так приятным и искусным, бразом (при помощи сатир, — З. Г.) исправлять нравы народа, о, в награждение трудов его, определил ему годового жалованья! о 2000 ливров» (т. I, стр. 253). Здесь ссылка Кантемира на Лю- овика и Буало явно рассчитана на то, чтобы показать Анне, Иоанновне и ее окружению, как следует относиться к деятельности атирического поэта.

Все эти факты, а число их можно умножить, убеждают в том, то перед нами обдуманная система тактических средств, созна- ельно примененная Кантемиром для защиты своих сатир от вра- кдебных суждений.

Однако всего этого было недостаточно для того, чтобы, езопасить задуманное Кантемиром печатное издание сатир. Не- оменно он понимал, что исключительное внимание, проявляемое им к сатирическому роду, при полном отсутствии в его творчестве танегирических произведений не могло внушить императрице благоприятного отношения к нему. В этих условиях Кантемир, решил издать свои сатиры только в том случае, если получит на это «высочайшую» санкцию императрицы.

Расчет Кантемира был верен. «Апробация» императрицы, с одной стороны, сделала бы его сатиры неприкосновенными для недоброжелателей, а с другой — придала бы сатирам авторитет- ность в глазах тогдашнего общества и обеспечила бы более эффек- тивное осуществление поставленных им целей.

О твердом решении Кантемира не публиковать сатиры без со- гласия императрицы говорит его последнее письмо к Хр. Гроссу (от 12 мая 1740 года). Кантемир предупреждает своего адресата, что посылает сборник своих сатир и других стихотворений только для него лично, так как не хочет, чтобы эти произведения были изданы без специального распоряжения императрицы.²⁶ И в том же самом письме Кантемир сообщает Гроссу об отправке ему перевода 10 писем Горация, предоставляя членам Академии судить, достойны ли они быть напечатанными.

Таким образом, не для всех своих литературных трудов Канте- мир добивался разрешения императрицы. При всей щекотливости дела об издании перевода фонтенеллевых «Разговоров о множе- стве миров» Кантемир обошелся без обращения к императрице, хотя потребовалось разрешение духовной власти. Судя по извест- ным нам фактам, издание просодического трактата, отправленного

²⁶ «Pour ce qui est de satires et de mes autres poésies, elles ne serviront que pour votre amusement, car je ne veux qu'elles se publient sans un ordre de sa majesté». (Л. Н. Майков в *Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира*. СПб., 1903, стр. 159).

в Россию в 1743 году, тоже намечалось осуществить без вмешательства императрицы²⁷ (на этот раз — Елизаветы Петровны).

Из всего этого можно заключить, что больше всего беспокоили Кантемира именно сатиры.

С восшествием на престол Елизаветы Петровны Кантемир предпринимает новую попытку издать свои сатиры. Действуя на этот раз через М. Л. Воронцова, он в обращениях к нему опять подчеркивает свое намерение издать сатиры только в случае благоприятной резолюции государыни.²⁸

Такая настойчивость свидетельствовала о страстной заинтересованности Кантемира в издании сатир. Вместе с тем его действия в этом направлении, как видим, характеризовались крайней осторожностью и выдержкой, что было несомненно продиктовано сознанием особого значения того рода поэзии, служению которой Кантемир себя посвятил.

Все эти обстоятельства совершенно естественно объясняют нам конкретные мотивы, побудившие Кантемира написать специальную «Речь», обращенную к Анне Иоанновне. Замысел «Речи» нужно рассматривать именно в связи со стремлением Кантемира добиться благосклонного отношения императрицы к его намерению опубликовать сатиры. Никакой самодовлеющей цели сочинить панегирическое произведение в честь Анны Иоанновны у Кантемира не было.

Создание «Речи», таким образом, было продиктовано соображениями сугубо тактического характера и явилось одним из тех приемов, которые использовал Кантемир для защиты своего сатирического творчества от политических и литературных врагов.

Но именно тактическая установка «Речи», а также ее адресат определили возникновение главного, основного аспекта произведения, условно названного нами «объяснительным» или «защитным». Из данной выше характеристики конкретных обстоятельств сатирической деятельности Кантемира в 1731 году следует, что неблагоприятное отношение Анны Иоанновны к нему могло быть возбуждено не столько его сатирическим творчеством вообще, сколько исключительной его приверженностью к этому жанру и уклонением от создания хвалебных произведений в ее честь. Понимая, что именно этот вопрос является главным во взаимоотношениях его с императрицей, Кантемир смело ставит его в «Речи» и, нисколько не отступая от своих творческих принципов, но при этом неизбежно лавируя тактически, разрешает его.

²⁷ «Письмо Харитона Макентина», как известно, было напечатано вместе с упомянутыми выше 10 посланиями Горация только в 1744 году, после смерти Кантемира.

²⁸ См.: Архив кн. Воронцова, т. 1, М., 1870, стр. 357—365.

Признавая себя недостойным воспеть «дивны и ужасны» дела императрицы («столь славу имея писати причину не подлого должен быть у Фебуса чину»), Кантемир добивается нужного ему тактического эффекта: отводя от себя опасное обвинение в «злом» нежелании настроит свою лиру на хвалебный тон в честь Анны Иоанновны, он в то же время подводит читателя к выводу, что единственным жанром, соответствующим его дарованию, остается сатира.

Все сказанное заставляет отвергнуть утверждение исследователей, будто Кантемир фактом создания «Речи» изменил принципам, провозглашенным в IV сатире.

Сопоставление «Речи» с IV сатирой (в первоначальной редакции) важно не только для понимания обоих произведений, но и для решения вопроса о соотношении творческих принципов, декларируемых Кантемиром, и его поэтической практики.

Как уже отмечалось, IV сатира является своеобразным «profession de foi» первого русского сатирика. В ней нашли свое отражение эстетические и литературные взгляды Кантемира, его программные установки.

Основная идея IV сатиры сформулирована самим Кантемиром в «Изъяснении» к ней: «Нельзя ему (автору, — Э. Г.) сатиру не писать, хотя бы знал не ведомо что претерпети».

В этих словах звучит глубокая убежденность сатирика в благодетельном значении избранного им направления и готовность смело встретить ожидающие его на этом пути опасности. Та же мысль в самом тексте сатиры звучит как своеобразная поэтическая клятва:

И для того, хотя смерть рысдой или скоком
Дождет меня скоро, или уж в глубоком
Узрю возрасте свои седины в покою,
В чужестранстве ль буду жить или над Москвою,
Хоть муза моя всем сплошь имать досаждати,
Богат, нищ, весел, скорбен — буду стихи ткати.

(ст. 153—160).

Однако Кантемир понимал, что в современных ему условиях такая приверженность к сатирической поэзии может быть истолкована не к добру и кончиться для него печально. С горькой иронией говорит он об этом в той же сатире:

Музо, свет мой, стиль твой мне, творцу, ядовитый,
Кто бить всех нахалится, часто живет битый;
И стихи, что чтецов всех на смех побуждают,
Часто слез издателю причина бывают.

(ст. 31—34).

Может быть, отказаться от сочинения сатир и заняться писанием менее «опасных» произведений? Кантемир ставит перед собой этот вопрос:

Не пора ли стиль отменить твой грубый
И сатир уже не писать?

Этим вопросом, обращенным к музе, и начинается Кантемир данную сатиру. Далее, излагая невыгоды и опасности, сопряженные с сатирической деятельностью, он решает испытать свои силы в похвальных стихах: «зачнем, музо, в похвалах перья притупляти».

Но попытки в этом направлении заканчиваются неудачно:

Рифмы не могу прибрать, как хвалить желаю;
Сколько ногти ни грызу и тру лоб вспотелый,
С трудом стишка два сплету, да и те неспелы,
Тверды, ушам досадны и на те походят,
Которы по азбуке святых житье водят.²⁹

(ст. 112—116).

Ничего привлекательного для себя не находит Кантемир в колической поэзии («полевые песни»), любовных песнях, скорбных (элегических) произведениях. С иронической усмешкой говорит он об этих поэтических жанрах, совершенно не соответствующих ни его умонастроению, ни интересам.

Вдохновение его пробуждается лишь тогда, когда появляется объект для сатиры:

А как что вредно в нравах усмотрю — прилежно
Стихи под пером текут, и выразить нежно
Так мне легко, как тому, кто был в краи чужды
Узнать доброе вино и кое пить с нужды.

(ст. 117—120)

Правда, если уж к другому роду нет склонности, то, учитывая все напасти, связанные с сатирической деятельностью, можно было бы и вовсе перестать писать — такой вывод встает перед Кантемиром. Вот он рисует позицию тех, кому и по долгу и по обязанности надлежит бичевать пороки:

Лучше нас пастыри душ, которых и правы
И должность есть народа исправляти нравы,
Да молчат: на что в ссору вступать со всем светом?

(ст. 47—49)

²⁹ В последнем стихе имеется в виду черниговский архиепископ Иоанн Максимович, напечатавший в 1705 году стихотворную книгу, которая вся от заглавия до послесловия написана виршами (всего 10322 стиха). Книга содержит жития святых (в алфавитном порядке) и посвящена царевичу Алексею Петровичу.

Однако для него самого подобная позиция неприемлема:

А не писать мне нельзя: не могу стерпеть,
 Когда вижу, что мельник, с волосов недавно
 Стресший муку, нажив уж имя в людях славно,
 Спесивится и, гневом полн, жмурит глазами,
 Что в палате делают мухи пыль крылами.
 Коль глупец, что губы чуть помазал в латину,
 Хвастает наукою и ищет причину
 Безвременно всем скучать долгими речами,
 Ест и пьет аргументом, говорит стихами;
 Коли напудрен гребец и в парче сын дьячий,
 Мудрец спит на войлоке, на пуху — подъячий,
 И чтят того, кто может денег больше дать, —
 Трудно уж воистину сатир не писати.

(ст. 140—152).

Кантемир провозглашает свою верность сатире как единственной форме, способной выразить его воззрения на современную действительность и наиболее соответствующей природным свойствам его поэтического дарования. Заклучая сатиру, Кантемир заявляет:

И понеже ни хвалить, ни молчать не знаю,
 Одно благонравие веаде почитаю, —
 Проче в сатиру писать в веки не престану.

(ст. 159—161).

Таков программный вывод Кантемира, провозглашенный им в IV сатире. При сопоставлении ее с «Речью к императрице Анне Иоанновне» легко убедиться, что последняя не только имеет сходную проблематику, но по существу повторяет самую схему авторских рассуждений, содержащихся в сатире. Следовательно, создавая «Речь», Кантемир соотносил замысел этого произведения с IV сатирой.

Основной проблемой, занимающей автора в обоих произведениях, является проблема творческого самоопределения. Она поставлена и тут и там в форме альтернативного выбора между сатирическим и панегирическим жанрами. И хотя в каждом из названных произведений она соответственно варьируется, но решается по существу одинаково.

Таким образом, «Речь», вопреки традиционному мнению, служит подтверждением верности сатирика своей благородной программе, декларированной в IV сатире. Социально-исторические условия и конкретные обстоятельства литературной деятельности Кантемира несомненно вызвали неизбежные тактические уступки, отмеченные выше. Но это вопрос формы, а не существа.

Вся последующая поэтическая практика Кантемира убеждает в том, что творческая программа, намеченная поэтом в IV сатире, действительно осуществлялась им. И после создания «Речи» он не склонил свою «лиру» на похвальный лад.

В связи с этим необходимо остановиться на одном факте, казалось бы, противоречащем такому утверждению. Мы имеем в виду создание Кантемиром в 1736 году «Оды к императрице Анне на ее победы против варвар». Текст оды до нас не дошел. Однако то, что нам известно о ней из переписки Кантемира с князем А. М. Черкасским, а также из кратких примечаний, сохранившихся в Курбатовской рукописи, позволяет высказать определенные суждения об оде.

В Курбатовской рукописи Кантемир указывает, что «причину сей оды» «подали» «одержанные российским войском победы в 1736 году как на Дону, так в Крыму и Кубани».

Содержание оды в этих примечаниях излагается так: «Стихотворец наш начинает описанием ее им. вел. славных действий в польской войне и в той, которая от польской в Германии и Италии взгорелася; потом слово сводит к осаде и взятию Азова» (Кантемир. Собрание стихотворений, стр. 463).

Кантемир был глубоко лично заинтересован в исходе Турецкой кампании, сулившей захват у турок Молдавии и восстановление отцовского княжества, по поводу чего дети Дмитрия Кантемира строили определенные планы (см. переписку по этому поводу Антиоха Кантемира с княжной Марией).³⁰

Отсюда можно заключить, что для Кантемира победа под Азовом сама по себе служила достаточной причиной для создания оды, хотя она и неизбежно должна была содержать соответствующую хвалу Анне Иоанновне.

Кроме этой единственной оды, в литературном наследстве Кантемира нет больше произведений панегирического характера, адресованных Анне Иоанновне.

Добролюбов был совершенно прав, утверждая, что Кантемир «держался довольно независимо» в послепетровскую эпоху. Единственным предметом, который сатирик воспевал «по влечению сердца», были лишь «правительственные и общественные реформы Петра».³¹

³⁰ И. Шимко. Новые данные о кн. Антиохе Кантемире. «Журнал Министерства народного просвещения», 1891, № 6, стр. 275, а также: Л. Майков. Княжна Мария Кантемирова. «Русская старина», 1897, кн. VIII, стр. 234—235. См. также письмо Кантемира к А. М. Черкасскому от 1 октября 1736 года, в котором он говорит о турках не только как о «неприятелях христианства», но и как о своих «партикулярных» врагах (Л. Н. Майков. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира, стр. 57—58). Следует учесть, что по условию, заключенному между Петром I и Дмитрием Кантемиром, отцом сатирика, в случае если Молдавия отойдет к России, то должна будет управляться кем-либо из рода Кантемиров.

³¹ Н. А. Добролюбов, Избранные сочинения. ГИХЛ, М.—Л., 1947, стр. 42. Кроме «Петриды», Кантемир написал еще оду «О императоре Петре

Последующая переработка «Речи» имела две стадии. На первой стадии — еще при жизни Анны Иоанновны — Кантемир изменил характер произведения, превратив его в посвящение к сатирам, обращенное к императрице. В «Таблице» Курбатовской рукописи оно именуется «Дедикацией сатир». Текст последней к нам не дошел, но был известен в начале XIX столетия А. Ф. Мерзлякову, знавшему эту рукопись в более полном виде, чем она существует сейчас. По свидетельству А. Ф. Мерзлякова, «рукопись сия относится к царствованию Анны Иоанновны, а рассматривана Кантемиром при Елизавете, что приметно из самого посвящения, в котором заглавие переменено собственною рукою Кантемира».³² Так появилось заглавие «Словоприношение к Елизавете Петровне». Перемена адресата и определила вторую стадию переработки произведения.

Однако главное значение имеет существенное изменение характера произведения и превращение его в дедикативное. Произошло это следующим образом. (Об этом можно судить по дошедшему до нас «Словоприношению Елизавете Петровне»).

Изменению подверглось главным образом содержание речи Аполлона, обращенной к автору. Кантемир полностью сохраняет в «наказе» Аполлона запрещение создавать хвалебные сочинения, посвященные императрице, но вместе с тем вводит новый мотив:

Если же знак хвального благодарства дати
Твоего какой-либо августе желаешь,
Поднеси ей книжицу, в которой пятнаешь
Злые веселым лицом обычи и нравы.

Таким образом, «подношение императрице» сборника сатир здесь мотивируется как «знак благодарства» со стороны автора.

Еще показательнее для характеристики новой тактики Кантемира тот поворот мысли, который он придает этому подношению:

Явно бо, что книжку раб, дая ей такую,
Другом добродетели весь свет признал тую.

Кантемир полагал, что фактом посвящения сатир императрице, которую якобы «весь свет» считает «другом добродетели», он ставит сатиры под защиту Елизаветы Петровны, и надеялся, что та-

Великом», которая до нас не дошла. В уцелевших отрывках Курбатовской рукописи о ней сказано: «Оду сию в похвалу Петра Великого писал в 1735 году, на корабле едучи из Голландии в Англию. В оной коротко все сего императора чудные дела заключил, приуподобляя его богам древности, к Аполлону, богу наук» (Кантемир. Собрание стихотворений, стр. 464).

³² А. Ф. Мерзляков. О рукописных стихотворных сочинениях кн. Антиоха Кантемира. «Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете», 1812, ч. IV, стр. 50.

кой комплимент не позволит ей отвергнуть сатиры, не рискуя разоблачить себя в качестве не друга «добродетели».

Свое посвятельное стихотворение Елизавете Петровне Кантемир заключил выражением надежды на то, что императрица «тихим сердцем» прочтет книгу его сатир, «зрак не премеяя». т. е. «не гневаясь», как он сам объяснил в примечаниях к этому произведению.

Судьба его сатир показывает, что и на этот раз он ошибся. И при Елизавете Петровне ему не удалось увидеть свои сатиры в печати.

В заключение остановимся на вопросе о соотношении «Речи к императрице Анне Иоанновне» Кантемира с «Речью к королю» («Discours au roi») Буало.

Как отмечено выше, сам Кантемир указывает в примечаниях к своей «Речи» на связь ее с названным произведением французского поэта. Говоря о «подражании», Кантемир имел в виду то, что он по примеру Буало обратился к царствующей особе со стихотворной речью.

Кроме того, ссылка на Буало преследовала охранительные цели: как и в «Предисловии к V сатире», имя Буало и его произведение выставлялись здесь Кантемиром в качестве довода против возможных неблагоприятных истолкований и оценок его «Речи».

Конкретное сопоставление текстов обоих произведений приводит к заключению, что «Речь» представляет собою как по замыслу, так и по исполнению произведение самостоятельного и оригинального характера.³³

Даже Стоюнин, утверждавший в одном месте своего критико-биографического очерка о Кантемире, что последний замыслил создать «Речь» в подражание западноевропейской одической традиции, в другом месте, при конкретном сопоставлении с «Discours au roi» Буало вынужден был признать, что в «Речи» русского поэта «подражание ограничивается только несколькими стихами, по содержанию же и по тону в них (в произведениях обоих поэтов, — Э. Г.) нет ничего общего» (т. I, стр. LXXV).

Сравнивая оба произведения, Стоюнин выносит суровый и явно несправедливый приговор Кантемиру.

«Речь Буало, — пишет он, — есть вместе и панегирик и сатира; похвала королю у него только предлог для сатиры против дурных стихотворцев. Но, несмотря на лесть молодому королю, автор умеет держаться в пристойных границах, не унижая своего до-

³³ Кантемир не только был знаком с «Речью к королю» Буало, но и перевел ее на русский язык вместе с некоторыми другими сатирами Буало (Кантемир, Собрание стихотворений, стр. 498—500).

стоинства. Он хочет, чтобы потомство назвало его правдивым, чтоб на его сказание о короле смотрело как на историю; но он не защищал своей чести тем, будто искусство стихотворное требует, „чтоб между правдою было нечто и притворно“.

«Такое понятие об искусстве доводило многих наших стихотворцев последующего времени до самой нахальной лести, от которой они нисколько не краснели, прикрываясь требованиями искусства: „как же, не похлебствовав, составить речь красну“. Развитию такого искусства способствовала та среда, которая исторически выработала похлебство, и в этом случае ода или речь Кантемира, как она ни слаба художественно, имеет для нас свое историческое значение: ее только и мог написать человек, воспитавшийся в этой среде — в ней есть своего рода оригинальность» (т. I, стр. LXXV).

Приведенная цитата свидетельствует о том, что подлинный смысл «Речи», цель, которую преследовал Кантемир, создавая ее, не были поняты Стоюниным. По мнению исследователя, «оригинальность» кантемировской «Речи» будто бы заключается в умеренной лести, расточаемой автором по адресу Анны Иоанновны, в его откровенном сервилизме. Но панегирические элементы, как было выяснено выше, составляют как раз наиболее традиционную сторону этого произведения и по сути дела являются побочным следствием авторского замысла.

Подлинное своеобразие и самостоятельность «Речи» Кантемира заключаются в стремлении автора защитить свое право на сатирическое творчество, право поэта служить «согражданам своим» иным способом, чем это предписывалось официальным пониманием поэзии в то время. Поэтому нельзя упрекать Кантемира в неблагородстве его нравственной позиции как писателя. Принимая неизбежные тактические уступки за существо авторского замысла, исследователь приписал Кантемиру без всякого на то основания совершенно чуждые ему творческие принципы.

Характеризуя Буало, Стоюнин указывает на то, что французский поэт «не защищал своей лести тем, будто искусство стихотворное требует, „чтоб между правдою было нечто и притворно“». Цитируемые здесь Стоюниным слова взяты из «Речи» к Анне Иоанновне, и все его рассуждение построено на противопоставлении Буало Кантемиру; получается так, что приведенные слова представляют как бы основное творческое правило русского поэта. В таком понимании укрепляет и следующая фраза Стоюнина о том, будто многие русские стихотворцы последующего времени прикрывали свою «нахальную лесть» «требованиями искусства: „Как же, не похлебствовав, составить речь красну“». И здесь цитата из «Речи» преподносится Стоюниным как принцип самого Кантемира. Но ведь цитируемые Стоюниным строки

из «Речи» принадлежат не автору, а вложены в уста Аполлону, характеризующему приемы, которыми необходимо пользоваться при сочинении похвальных произведений. При этом смысл речи Аполлона сводится к тому, что автор (т. е. Кантемир) не способен использовать приемы «похлебствующей» поэзии, почему он и не должен браться за сочинение панегирика Анне Иоанновне. Таким образом, указанные строки не только не характеризуют взглядов Кантемира, но и противоречат его творческой практике.

Замышляя «Речь», Кантемир меньше всего руководствовался стремлением создать «похлебствующее» произведение в честь Анны Иоанновны. Им руководило высокое и благородное стремление отстаивать свое право на сатирическое творчество, на просветительскую деятельность. Но в тогдашних исторических условиях этого можно было достичь только ценою определенных тактических уступок, чем по сути дела и являются те панегирические элементы, которые содержатся в «Речи».

Разумеется, в оценке действий Кантемира было бы абсолютно непростительно терять историческую перспективу и подходить к ним грубо прямолинейно, применяя критерий современных нам понятий. Оценивая нравственную позицию Кантемира как поэта, необходимо исходить не из этих вынужденных обстоятельствами времени уступок, а из основных принципиальных творческих установок первого русского сатирика и его поэтической практики.

С этой точки зрения — а она единственно правильная — литературная деятельность Кантемира, если ее соотнести с историческими условиями послепетровской эпохи, несомненно является в высшей степени благородной и прогрессивной.
